

Музыка – это радость!

(Удмуртская правда от 14 апреля 2017 года №14.)

Педагог юных виртуозов убеждена, что победы в конкурсах – не главное

Месяц назад президент благотворительного фонда «Новые имена» Денис Мацуев вручил именные стипендии трем юным пианистам из Удмуртии, отметив, что далеко не в каждом регионе он видит такой высокий уровень подготовки молодых музыкантов. Но не менее впечатляющим оказалось то, что двое из лауреатов, 12-летний Андрей Шашкин и 14-летняя Анастасия Иванова, – воспитанники одного педагога, преподавателя по классу фортепиано ижевской ДШИ № 9 Светланы Ивановны МОРОЗОВОЙ.

Искренний интерес

– Светлана Ивановна, как быстро вы понимаете, что перед вами ребенок с потенциалом серьезного музыканта? Это очевидно уже при знакомстве или должно пройти время, чтобы дар проявился?

– Иногда это видно уже через месяц после начала занятий, а бывает, что нужен год. Что такое ребенок с потенциалом? Это значит, он должен быть очень эмоционален, заинтересован в музыке, а его родители должны быть заинтересованы в музыкальном развитии ребенка. Вообще, когда складывается треугольник «ребенок-педагог-родители», все удается. Если рушится хотя бы один из этих углов, шансов на музыкальное развитие детей почти не остается.

– Вы ничего не говорите о физических данных – растяжка пальцев, размер кисти, сила удара. Это все вещи второстепенные? Восторг перед «длинными пианистическими пальцами» – стереотип?

– На каком-то этапе профессионального развития все это будет важно, но в самом начале гораздо большую роль играет искренняя увлеченность ребенка музыкой. Неравнодушие к тому, что происходит с ним и вокруг него. Пятилетнему малышу все интересно, он познает мир с колоссальной скоростью – его мозг и эмоции распахнуты. Конечно, увлечение музыкой будет сталкиваться с другими интересами – ему хочется и мультики посмотреть, и в гости к бабушке с дедушкой сходить, и с друзьями поиграть. Важно не лишать его всех этих детских радостей, но поддерживать интерес к музыке. Он должен входить в музыкальное образование не из-под палки, а с горячей заинтересованностью.

Семейные обстоятельства

– А разве бывают пятилетние дети, которые осознанно хотят заниматься, репетировать гаммы, сидеть подолгу за инструментом?

– Такие дети бывают! Наши лауреаты, Андрей Шашкин и Настя Иванова, сами очень хотели заниматься музыкой. Сначала они посещали детский эстетический центр, который действует у нас в школе. Однажды преподаватель центра обратилась ко мне с просьбой присмотреться к мальчику, который очень хочет заниматься всем, что связано с музыкой, хотя семья у него совсем не музыкальная. А потом после утренника он сам подбежал ко мне и попросился в класс.

Но история Андрея – исключение. Проще происходит приобщение к музыке в семьях, где кто-то из старших уже занимается ею. Когда дома играют на музыкальных инструментах, ребенок воспринимает это занятие как очевидное и естественное: мама (папа, брат, сестра) играет, ну, значит, и я рано или поздно научусь. Звучащая вокруг него музыка формирует его картину мира даже тогда, когда он сам этого еще не осознает. А вот когда музыки дома нет, дать первый толчок интереса для ребенка гораздо сложнее, и я безгранично уважаю тех родителей, которые сами не будучи музыкантами, но почувствовав интерес ребенка к музыке, делают все возможное, чтобы он не угас, а возможный талант развился. Это ведь изменение образа жизни и для родителей. Когда они приводят малышей ко мне в класс, сами начинают интересоваться музыкой и исполнительством.

Не в конкурсах счастье

– Но есть и родители, которые в ребенке надеются реализовать свои несбывшиеся амбиции.

– Конечно, и особенно ярко и драматично это проявляется на том этапе, когда ребенок заканчивает обучение и решает, становится ли ему профессиональным музыкантом. Он сам, возможно, считает, что ему музыки достаточно как хобби, дополнительного умения, но родители, обнадеженные его ученическими успехами, пытаются убедить его, что впереди – блестящая карьера, слава. Чтобы подкрепить в нем азарт соревновательности и вкус к победе, отправляют на один конкурс за другим (хотя победы на конкурсах совсем не гарантируют удачную исполнительскую карьеру). Ничем хорошим это закончиться не может: юный музыкант – не скаковая лошадь. Чтобы не надорвать нервную систему, достаточно одного большого конкурса в год. В крайнем случае, если ребенок хорошо подготовлен и стрессоустойчив – двух. Сначала нужно освоиться на локальном конкурсе в своем городе и только потом выходить на соревнования более высокого уровня.

– А что значит для ребенка проиграть на конкурсе? Это травма, серьезная обида и разочарование в себе или дети меньше значения придают наградам?

– По-разному бывает, иногда дети переживают неудачи очень болезненно. И тогда необходимо очень бережно подвести ребенка и его родителей к решению попробовать еще раз. Это действительно большая задача – настроить его так, чтобы даже проиграв, ребенок не потерял удовольствие от занятий музыкой, чтобы он продолжал любить ее, мог испытывать наслаждение от игры без оговорок «кажется, это не для меня».

– Как вы объясняете детям, почему кто-то побеждает на конкурсах, а кто-то проигрывает при кажущемся равном уровне техники и понимания музыки?

– Честно говорю, что творческие конкурсы не могут быть полностью объективны. Музыка – это не спорт, где в зачет идут секунды, сантиметры, количество вращений и тому подобное. Не существует линейки и секундомера, которыми можно измерить музыкальный дар. Да, мы можем говорить о владении исполнительской техникой, но как только речь ходит об осмыслении музыки, о ее интерпретации, среди членов жюри одного конкурса могут быть (и часто возникают) разногласия. У каждого сложившегося музыканта есть представление о том, как «правильно» играть ту или иную музыку, и он сравнивает услышанное со своей внутренней настройкой. Но она у всех своя! При чтении одной и той же партитуры у разных музыкантов в голове зазвучит разная музыка. Угадать, как воспримут твоё исполнение члены жюри конкретного конкурса, почти невозможно. И я никогда не советую своим ученикам угадывать, стараться подстроиться. Я убеждаю их сыграть так, чтобы они смогли убедить в правомерности своей трактовки.

Раннее взросление

– Мацуев новым поколением впечатлен и называет этих ребят акселератами, которые в 10-12 лет играют так, как ему и его ровесникам не снилось. Вы согласны с ним?

– Это правда. Уровень молодых исполнителей растет семимильными шагами. Те произведения, которые мы играли только в музыкальном училище, сейчас играют школьники, и делают это прекрасно! Может быть, их учит сама жизнь, в которой все приобрело более высокие скорости. Может быть, дело в более раннем старте: несколько десятилетий назад нормальным возрастом для начала занятий в музыкальной школе считались 7 лет. Сейчас первые музыкальные уроки дети берут в 4-5 лет, а кто-то приходит и в 3 года. Конечно, это только знакомство с музыкой, игровые занятия, разработанные специально для малышей. Они больше слушают, чем делают сами. Трогают клавиши, но не играют в общепринятом значении слова. Но в итоге годам к шести они настолько осваиваются в музыкальной стихии, она становится для них настолько естественной, что старт настоящих серьезных занятий становится намного более мощным и скоростным.

– Какими были самая большая гордость и самое большое разочарование в вашей педагогической работе?

– Бывает очень горько, когда не удается найти общего языка с учеником или родителями. Со взрослыми даже обиднее – когда они не понимают, как много значит музыка для их ребенка.

Каждый раз переживаю за ученика, когда он хорошо подготовился к конкурсу, а на самом выступлении не смог взять себя в руки и сыграл хуже, чем мог бы. Гордость была, когда в 2013 году Анастасия Иванова прошла отборочный тур на конкурс «Щелкунчик» – первой из Удмуртии. В отборочном туре Настя набрала необходимые баллы, чтобы пройти

дальше. С проходными баллами в итоге оказалось 9 детей, а на второй тур должны были попасть 8. Для духовиков и струнников в такой же ситуации сделали исключение и пропустили на следующий тур всех, набравших необходимый балл, а с пианистами решили пойти на принцип. Настя была самой младшей из участников (ей тогда было 10 лет), и жюри решило, что ее победы еще впереди, а сейчас надо дать шанс другим. Она стояла перед жюри такая крошечная и говорила, что не обижается на них. Это было душераздирающе. Вот этот «Щелкунчик» был самым радостным и самым разочаровывающим событием. Потом у Насти были Дельфийские игры – она снова оказалась первым ребенком из Удмуртии (и до сих пор единственным), кто смог пройти отбор. Там она получила серебряную медаль, хотя тоже была самой младшей в своей группе.

Во имя радости

– Есть ли возраст, после которого уже поздно начинать учиться музыке с дальним прицелом заниматься ею профессионально?

– Наверное, лет в 10 все же поздновато. Уже очень сложно будет развить хорошую технику. Но если задача стоит научиться немного играть для собственного удовольствия – то почему нет?

– А вы, начиная заниматься с ребенком, какую задачу считаете первоочередной – подготовить музыканта, который может начать профессиональную карьеру, или дать ему общее эстетическое образование, привить то самое «чувство прекрасного»?

– В первую очередь – помочь ему развиться в гармоничную личность. Только через несколько лет занятий, убедившись, что и ребенок, и родители всерьез думают о музыкальной карьере, я направляю усилия на профессиональное совершенствование. Но в любом случае стать хорошим и счастливым человеком, любящим музыку, по-моему, важнее, чем успешным музыкантом.